

УДК 327.39: (470+571)

## ЭВОЛЮЦИЯ ДОКТРИНАЛЬНЫХ ОСНОВ ИНТЕГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

*Пашиковский П.И.*

*В статье представлен анализ эволюции доктринальных основ интеграционной политики России на постсоветском пространстве.*

*Ключевые слова: доктринальные основы, интеграционная политика России, постсоветское пространство*

**Объектом** исследования является внешнеполитическая деятельность России. В качестве **предмета** выступают доктринальные основы внешнеполитического курса РФ в плоскости её интеграционных усилий на постсоветском пространстве. **Цель** исследования – раскрыть специфику эволюции доктринальной основы интеграционной политики России.

Разрушение СССР и образование политического вакуума на постсоветском пространстве, открыло указанный регион внешнему воздействию, превратив его в арену соперничества глобальных и региональных центров силы (США, РФ, КНР и ЕС), конкурирующих в процессе реализации своих интеграционных проектов [2; 21]. Ключевая роль в большинстве из интеграционных институтов (СНГ, ЕврАзЭС, ЕЭП, ОДКБ, СГРБ) в рамках пространства новых независимых государств (ННГ) сегодня принадлежит России [6; 33]. В свою очередь некоторые имеющиеся здесь структуры (ГУАМ) были изначально предназначены для ослабления российских позиций в регионе, являясь проектом конкурирующих центров силы (США) [9; 26]. Другие институты (ШОС), наоборот, выступают компромиссным (между РФ и КНР), но, вероятно, временным явлением с целью уменьшения здесь американского влияния [27]. Так или иначе, политика России характеризуется колоссальным воздействием на интеграционные процессы в регионе бывшего СССР, во многом определяя не только степень их интенсивности и содержание составляющих, но также методы, принципы и формы организации функционирующих интеграционных структур [10; 39]. Более того, отмечают эксперты, «в среднесрочной перспективе Россия есть и останется одной из влиятельнейших держав современного мира, которая играет роль важного субъекта международного политического взаимодействия» [29, с. 39].

На фоне усиления международной конкуренции с конца 2008 г. наблюдается активизация российских правительственных и научно-исследовательских кругов в переосмыслении содержания доктринальных основ внешней политики России. 12 мая 2009 г. утверждается Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 г., а 5 февраля 2010 г. принимается проект новой Военной доктрины РФ. Эти и другие

документы<sup>1</sup>, выступающие частью комплекса доктринальных основ, составлены на базе Концепции внешней политики, как ключевого документа, отражающего систему взглядов на содержание, принципы и основные направления внешнеполитической деятельности России, важной составляющей которой является интеграционная политика на постсоветском пространстве<sup>2</sup>.

Впервые проект Концепции внешней политики РФ был утверждён<sup>3</sup> 23 апреля 1993 г., имея на сегодняшний день две редакции: от 28 июня 2000 г. и от 12 июля 2008 г. Однако в исследованиях внешнеполитической деятельности России в целом и её интеграционных устремлений в регионе ННГ в частности анализу доктринальных основ, к сожалению, уделяется недостаточное внимание. Между тем, подобный анализ мог бы наглядно продемонстрировать эволюцию официальных подходов российских властей к проблеме построения отношений со странами ближнего зарубежья и, собственно, интеграционным процессам на пространстве бывшего СССР.

Задачи исследования связаны с анализом содержания трех редакций Концепции внешней политики по четырём составляющим (параметрам) интеграционных устремлений: (1) позиционирование РФ в целом и относительно постсоветского пространства, (2) определение геополитической значимости региона ННГ и приоритетных направлений в его рамках, (3) подходы к интеграционной политике и её плоскости, (4) средства и методы реализации интеграционных устремлений; выявлением внутри- и внешнеполитических факторов, повлиявших на изменение подходов.

Утверждение первой редакции Концепции внешней политики РФ (от 23 апреля 1993 г.) происходило в условиях, когда российские правительственные и научно-исследовательские круги не успевали осознавать специфику интенсивно меняющейся внутри- и внешнеполитической обстановки [23; 28; 31]. Ключевыми факторами, повлиявшими на это, стали мощнейший экономический и политический кризис в стране, а также отсутствие опыта внешнеполитической деятельности в складывающейся системе международных отношений, в рамках которой, выражаясь словами американского аналитика Г. Киссинджера, «посткоммунистическая Россия оказалась в границах, не имеющих исторического прецедента» [8, с. 17]. Подобное обусловило доминирование в её политическом мышлении, с одной стороны, подходов советского образца, с другой – превалированием задач внутренней модернизации над проведением активного внешнеполитического курса [32, с. 103].

В соответствии с указанными составляющими интеграционной политики содержание первой редакции Концепции [11] можно охарактеризовать следующим образом.

---

<sup>1</sup> С 1993 по 2010 г. были приняты Военная доктрина (редакции от 2 ноября 1993 г., 21 апреля 2001 г. и 5 февраля 2010 г.); Основы политики РФ в области военно-морской деятельности на период до 2010 г. от 4 марта 2000 г.; Доктрина информационной безопасности РФ от 9 сентября 2000 г.; Морская доктрина на период до 2020 г от 27 июня 2001 г.

<sup>2</sup> На основе Концепции указом президента РФ от 14 сентября 1995 г. принят Стратегический курс России с государствами – участниками Содружества Независимых Государств, действующий по сегодняшний день.

<sup>3</sup> Проект Концепции внешней политики разрабатывается в МИД РФ, рассматривается в Государственной Думе и Совете Федерации, а затем утверждается указом президента.

1. РФ позиционировала себя как великая держава, стремясь в этом статусе войти в мировое сообщество. В отношении постсоветского пространства Россия определялась как «государство – продолжатель бывшего СССР», которое «осуществляет перешедшие к ней права и обязанности на мировой арене». Отмечалось, что «в консультации с другими участниками СНГ она содействует реализации ими прав и обязательств бывшего СССР в той степени, в которой такие права и обязательства подпадают под их юрисдикции».

2. Во внешнеполитической деятельности – делая акцент на «активной, прагматичной и сбалансированной линии по многим направлениям» - первым пунктом значатся государства Содружества<sup>4</sup>. Связи с этой группой стран и другими государствами ближнего зарубежья (бывшими союзными республиками. – П.П.) «должны быть выведены на уровень полномасштабных межгосударственных отношений, обеспечивающих полное сотрудничество с ними во всех областях на основе взаимности». Приоритетными в границах СНГ названы «европейское, среднеазиатское и закавказское звенья», где, в первую очередь, выделялась «важность взаимоотношений с Украиной, Беларусью и Казахстаном». С государствами Балтии (которым посвящался отдельный раздел документа) планировалось установить «добрососедские взаимовыгодные отношения», прилагая «усилия по нахождению взаимоприемлемых решений неотложных вопросов, включая защиту прав россиян и вывод российских войск, созданию климата доверия и установления нормального межгосударственного сотрудничества».

3. При отсутствии сформированного подхода к системе международных отношений, особое внимание уделено пространству бывшего СССР в контексте необходимости формирования «пояса безопасности и добрососедства» по периметру российских границ, а также «всемерной стабилизации обстановки в околороссийском геополитическом пространстве и создании там зон конструктивного регионального сотрудничества». В то же время Россия поддерживала «гибкий «разноскоростной» подход к формам организации и функционирования Содружества, допускающий в случае неготовности тех или иных партнёров к сотрудничеству в определённых сферах, развитие углублённого взаимодействия с участием лишь заинтересованных государств СНГ». Подчёркивалось, что РФ не претендует на роль «нового центра Содружества», а интеграция должна быть обусловлена взаимным интересом. «В формировании новых отношений со странами ближнего зарубежья полноценное развитие двухсторонних связей должно сочетаться с наращиванием многообразных многосторонних форм взаимодействия»: экономического, военно-политического, научно-технического, культурно-гуманитарного и правового.

4. Подобного планировалось достигнуть посредством «превращения Содружества в действительное межгосударственное формирование суверенных субъектов международного общения, основанное на общности интересов и добровольном участии в тех или иных формах сотрудничества». А также стремиться к тому, «чтобы Содружество и созданные им форумы стали механизмом

---

<sup>4</sup> Выстраивание региональных приоритетов характеризуется смешением принципов районирования. Так, наряду с географическими регионами (АТР, Африка, Ближний Восток, Латинская Америка, Южная и Западная Азия) фигурируют Восточная и Западная Европа в политико-идеологическом смысле.

политического взаимодействия формирующих его государств, средством гармонизации политических курсов и выявлением общности интересов». Методами достижения этого являлись «укрепление единого военно-стратегического пространства»; сохранение «жизнеспособной структуры хозяйственных взаимоотношений»; решение проблемы денежного обращения; правовое упорядочение экономических связей (в свете «сохранения и развития единого экономического пространства на территории бывшего СССР»); сохранение и упрочение научно-технического и культурного сотрудничества на многосторонней и двухсторонней основе. основополагающим механизмом реализации и защиты российских интересов в регионе обозначались политические средства. Однако в этой связи уточнялось: «Опираясь на международное право и используя потенциал партнёрства с ведущими демократическими странами мира, Россия будет активно противодействовать любым попыткам наращивания военно-политического присутствия третьих государств в сопредельных с Россией странах». Показательно, что применение силовых методов допускалось не только в случаях предотвращения агрессии, но и в мирных целях, как крайняя мера в процессе утверждения принципов международного права и прочного добрососедства на постсоветском пространстве. При реализации внешнеполитических устремлений относительно ННГ рассчитывалось получить поддержку со стороны США, Великобритании, Германии и Франции, якобы заинтересованных в становлении стран региона на путь демократического развития и усилении международных позиций РФ.

Реакция западного экспертного сообщества на приведённые положения Концепции была едина в констатации их несоответствия реальности. Так, авторитетный американский аналитик З. Бжезинский, отмечая отсутствие внешне- и внутривнутриполитического реализма в российских доктринах начала 1990-х гг., заключал: «Российская постсоветская элита явно ожидала, что Запад поможет или, по крайней мере, не будет мешать восстановлению главенствующей роли России в постсоветском пространстве» [1, с. 126]. На практике же, акцентирует американский исследователь Д. Саймс, западные, в частности, американские лидеры, использовали в отношении российской элиты политический приём «угощения шпинатом» из угодных Вашингтону, но не выгодных Москве рекомендаций [39, р. 40]. Соединённые штаты «стремились зацементировать результаты дезинтеграции Советского Союза» для достижения возможности привлечения большинства постсоветских государств «под крыло Вашингтона» [39, р. 42-43].

Дискуссии российских аналитиков относительно интеграционной политики своей страны в первой половине 1990-х гг. проходили в рамках очерченных в Концепции положений. При этом выделялись следующие факторы, препятствующие выработке единой позиции по внешнеполитическим вопросам: множественность центров формирования курса внешней политики России (МИД, МО, Генштаб и др.); отсутствие общественно-политического консенсуса в процессе принятия и реализации внешнеполитических решений; использование внешнеполитических лозунгов во внутривнутриполитической борьбе [3]. Ситуация осложнялась низким авторитетом МИД РФ, воспринимавшегося в качестве «государственного органа» реализации политических интересов и «посреднической конторы» для поиска «экономических партнёров» [22, с. 33]. Настораживали и откровенно прозападные заявления министра иностранных дел А. Козырева. «Я

считаю, - говорил он в одном из интервью, - что никакого другого интереса человеческого, кроме того, чтобы жить хорошо, не существует. А хорошо живут на Западе. И потому вектор нашего национального и государственного интереса не на Востоке, а на Западе. ...Если у вас нет денег, чтобы купить виллу на Южном берегу Франции, то вам начинают сочинять сказку, что вам это и не надо, что вы должны жить здесь в Азиопе» [Цит. по: 19, с. 437]. Столь показательные слова и соответствующие им действия объяснялись тем, что, по мнению российской исследовательницы Л. Шевцовой, «для Ельцина и российской элиты западное сообщество было единственной силой, которая могла остановить приближающийся экономический обвал» [34, с. 26]. Успешной реализации задекларированных основ интеграционной политики, считает российский эксперт Л. Косикова, препятствовало и то, что «новые национальные элиты взяли курс на отрыв от России, да и российские руководители в те годы рассматривали СНГ как «обузу», мешающую быстрому проведению рыночных реформ либерального типа, на старте которых Россия обошла своих соседей» [15, с. 12].

С назначением на пост министра иностранных дел Е. Примакова в 1996 г. и обновлением состава МИД авторитет внешнеполитического ведомства начинает расти. 12 марта 1996 г. утверждается указ «О координирующей роли Министерства иностранных дел Российской Федерации в проведении единой внешнеполитической линии Российской Федерации», что позволило решить проблему множественности центров формирования внешней политики. Происходит обновление внешнеполитических подходов. Российские аналитики стали признавать, что расширение НАТО на Восток несёт негативные последствия для интересов их страны на постсоветском пространстве. На концептуальном уровне постепенно выкристаллизовывается значение СНГ в контексте региональной политики<sup>5</sup> [7; 14; 17; 18; 24].

В конце 1990-х гг. содержание Концепции внешней политики РФ 1993 г. подвергается всё большей критике со стороны экспертных кругов России, характеризовавших её как «американоцентристскую», насыщенную «флёром романтических отношений с Западом», несоответствующую реальности доктрину [4; 16; 20; 25]. Также на процесс переосмысления доктринальных основ внешней политики и её сегмента – политики интеграционной – повлиял ряд знаковых событий в международных отношениях: расширение НАТО (март 1999 г.) и решение о пересмотре и обновлении стратегической концепции Альянса (июль 1997 г.); военные действия НАТО в Югославии (март 1999 г.), Азиатский финансовый кризис (1997 - 1998 гг.). Это, с одной стороны, продемонстрировало возможности США применять силовые методы в обход международно-правовых норм, с другой – кризисные проявления обнажили экономическую слабость РФ, оказавшейся не способной выдерживать конкуренцию с Западом, что, несомненно, понимали западные эксперты. Например, бывший директор Агентства Национальной безопасности США У. Одом, анализируя ситуацию конца 1990-х, отмечал: «Где находится подходящее для России место в схеме мирового порядка после холодной войны? Хотя она и остаётся важным государством, этого не достаточно для

---

<sup>5</sup> Данные положения отразились, в частности, в Концепции национальной безопасности РФ от 17 декабря 1997 г.

ведущей роли. Ей требуется согласованное управление, говорящее стране правду. Её лидеры редко выражают истинные интересы Российской Федерации или её граждан» [38, р. 813]. А известный американский исследователь Ф. Ларраби позже открыто признавал, что «при Борисе Ельцине Россия вела в отношении большей части бывшего Восточного блока политику милостивого безразличия и, если не считать громкой и оказавшейся безуспешной попытки остановить первый раунд расширения НАТО, в основном, игнорировала регион» [35, р. 127].

После вступления в должность президента РФ В. Путина процесс переосмысления внешнеполитических подходов привёл к утверждению 28 июня 2000 г. новой редакции Концепции внешней политики [12].

1. В глобальном контексте Россия позиционировалась, как великая держава и «один из влиятельных центров современного мира». Уточнялось, что геополитическое положение «крупнейшей евразийской державы» требует от РФ максимально сбалансированной внешней политики «по всем направлениям».

2. Ключевым региональным направлением российской внешней политики (как и ранее) обозначено СНГ, в границах которого «обеспечение многостороннего и двухстороннего сотрудничества» соответствует задачам национальной безопасности. Декларировалась необходимость развития добрососедских отношений и стратегического партнёрства со всеми участниками Содружества, где «первостепенной задачей является укрепление Союза Беларуси и России как высшей на данном этапе формы интеграции двух суверенных государств». Кратко отмечены «хорошие перспективы» развития отношений с Латвией, Литвой и Эстонией с учётом намерений РФ «повернуть эти отношения в русло добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества», условием которого является уважение данными государствами российских интересов, главным образом, в вопросе «соблюдения прав русскоязычного населения».

3. Исходя из концепции «разноскоростной и разноуровневой интеграции в рамках СНГ» РФ планировала взаимодействовать как в целом с государствами региона, так и – что являлось новым подходом – в более узких объединениях, «в первую очередь в Таможенном Союзе, Договоре о коллективной безопасности». На фоне критики тенденции «к созданию однополярной структуры мира при экономическом и силовом доминировании США», указывалось, что «Россия сохраняет негативное отношение к расширению НАТО». В условиях, когда «интеграционные объединения приобретают всё большее значение в мировой экономике, становятся существенным фактором региональной и субрегиональной безопасности и миротворчества», впервые на доктринальном уровне говорилось о необходимости активизации российского участия в основных интеграционных структурах Азиатско-Тихоокеанского региона, в частности, в «созданной при инициативной роли России «шанхайской пятёрке» (Россия, Китай, Казахстан, Киргизия, Таджикистан)». Основные плоскости интеграционного взаимодействия РФ и СНГ в целом остались идентичными указанным в первой редакции Концепции. Особо подчёркивалось значение военно-политического, экономического и культурного сотрудничества на пространстве СНГ.

4. Пути реализации интеграционной политики отмечались прагматизмом: совместные усилия государств Содружества по урегулированию конфликтов на его территории; сотрудничество в области безопасности, борьбы с международным

терроризмом и экстремизмом; создание зоны свободной торговли и реализация программ совместного рационального использования природных ресурсов; сохранение и приумножение общего культурного наследия. Заявляя о курсе на развитие и повышение эффективности вооружённых сил, информационных технологий и т. п.<sup>6</sup>, впервые ставилась задача защиты экономической системы и информационного пространства РФ от внешнего воздействия, необходимости формирования за рубежом её позитивного восприятия. Отмечалось также, что «Россия должна быть готова к использованию всех имеющихся в её распоряжении экономических рычагов и ресурсов для защиты своих национальных интересов». Как и прежде подтверждалась необходимость «формирования пояса добрососедства по периметру российских границ, содействия устранению имеющихся и предотвращению возникновения потенциальных очагов напряжённости и конфликтов в прилегающих к РФ регионах». Указывалось на право СБ ООН санкционировать применение силы в целях принуждения к миру. Приоритетом выступала обязанность «защищать права и интересы российских граждан и соотечественников за рубежом на основе международного права и действующих двухсторонних отношений».

Внешнеполитические подходы обновлённой Концепции, характеризуясь большей реалистичностью, в целом встретили поддержку в российском обществе [4]. Западные аналитики в оценке указанных положений, акцентировали внимание, с одной стороны, на закреплении основ прагматичных отношений по многим направлениям, с другой – более активном курсе России на постсоветском пространстве. Профессор Колумбийского университета Р. Легвольд, например, констатировал, что «российская элита, включая президента», полностью осознала свою способность влиять «на события в Центральной Азии, Кавказе, Украине, Беларуси и Молдове», как ключ «для укрепления своих международных позиций» [36, р. 64]. В то же время, отмечает профессор Калифорнийского университета Д. Трейсман, после событий 11 сентября 2001 г. «Путин поспешил выразить солидарность с Соединёнными Штатами» и «не выступил против увеличения временно размещённого контингента американских войск в бывших советских республиках Центральной Азии» [41, р. 67].

В условиях изменений в международных отношениях первых лет нового века – укрепления позиций США как единственной сверхдержавы, активно участвующей в делах глобального и регионального масштаба – происходит ряд знаковых событий, определивших трансформацию внешнеполитических подходов РФ. «Поддерживая «цветные революции», - анализировал данную ситуацию российский исследователь А. Уткин, - Запад показал Москве, что она не может чувствовать себя спокойно даже в непосредственной близости от своих жизненных центров. Беслан, выборы на Украине, вступление в НАТО Прибалтики – сделали 2005 г. едва ли не решающим; Россия обратилась к КНР (а позднее и к Индии) с предложением о военных манёврах, приняла руководителей ХАМАС и предложила палестинцам помощь, отвергла миссию «гонителя» Ирана, осудила войну в Ираке. Россия усилила свою активность в странах Содружества независимых стран. Короче говоря, Россия

---

<sup>6</sup> Указанные положения отражены в Основах политики РФ в области военно-морской деятельности на период до 2010 г. (2000 г.), второй редакции Военной доктрины (2001 г.), Доктрине информационной безопасности РФ (2000 г.), Морской доктрине на период до 2020 г. (2001 г.).

вышла из орбиты сближения с самоуверенным и бесчувственным Западом, ища союзников на южных оконечностях своего континента, в среде бывшего Советского Союза. Экономический рост помог России» [33, с. 654-655]. Показательным в этом контексте представляется выступление президента РФ на конференции в Мюнхене 10 февраля 2007 г. По словам директора и председателя научного совета Московского Центра Карнеги Д. Тренина, «в знаменитой мюнхенской речи Владимир Путин фактически сформулировал условия, на которых он рассчитывал принудить Америку и Европу к партнёрству с Россией: принимайте нас такими, какими мы есть, ведите себя с нами, как с равными, сотрудничайте с нами на основе взаимных интересов» [30, с. 19].

Необходимость адаптации к изменениям международной обстановки способствовала разработке третьей редакции Концепции внешней политики РФ [13], которая была утверждена 12 июля 2008 г. новоизбранным президентом Д. Медведевым.

1. В свете заявлений об усилении позиций России на мировой арене, обретения ею полноценной роли в глобальных делах и существенного влияния на формирование международных отношений сохранена преемственность в констатации статуса «крупнейшей евразийской державы» со сбалансированным и многовекторным внешнеполитическим курсом.

2. Приоритеты российской политики в отношении СНГ и характеристика геополитической значимости региона в целом остались прежними. Снова выделяется высший приоритет развитию Союзного Государства России и Белоруссии в направлении формирования единого экономического пространства. Отмечается необходимость активной работы в рамках ЕврАзЭС с Белоруссией и Казахстаном над созданием Таможенного союза и единого экономического пространства, подключая к работе и других членов ЕврАзЭС как «ядра экономической интеграции». Впервые говорится о стремлении всемерно развивать ОДКБ «в качестве ключевого инструмента поддержания стабильности и обеспечения безопасности на пространстве СНГ». Особое место отводится дальнейшему укреплению ШОС в контексте продвижения её инициативы по созданию сети партнёрских связей между всеми интеграционными объединениями в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Подчёркнута важность всестороннего практического взаимодействия в Черноморском и Каспийском регионах на основе сохранения индивидуальности Организации Черноморского экономического сотрудничества и укрепления механизма взаимодействия Прикаспийских государств. Относительно государств Балтии сохраняется курс на добрососедство и взаимовыгодное сотрудничество с добавлением указания значимости «жизнеобеспечения Калининградской области».

3. Увеличивается стремление развивать «региональную и субрегиональную интеграцию на пространстве СНГ» в рамках двухстороннего и многостороннего сотрудничества. Впервые указывается, что отношение РФ к субрегиональным образованиям и иным структурам без российского участия на пространстве Содружества определяется, исходя из анализа их реального вклада в обеспечение добрососедства и стабильности, их готовности на деле учитывать законные российские интересы и уважать уже существующие механизмы сотрудничества (СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС, ШОС). К отрицательной оценке расширения НАТО



добавлялось уточнение о нежелательности приёма в члены Альянса Украины и Грузии, а также приближения военной инфраструктуры НАТО к российским границам, «что нарушает принцип равной безопасности». Более открыто говорилось о негативном отношении к подходам США (стратегии односторонних действий, реализации интересов через военно-политические союзы). Сохранилась преемственность в выделении плоскостей интеграционной политики, с учётом наличия их более проработанных формулировок.

4. Средства и методы реализации интеграционных инициатив при сохранении общей преемственности характеризуются большей комплексностью, прагматизмом и решительностью. Более подробно отмечалось стремление «работать над дальнейшей реализацией потенциала СНГ как региональной организации, форума для многостороннего политического диалога и механизма многопланового сотрудничества с приоритетами в сферах экономики, гуманитарного взаимодействия, борьбы с традиционными вызовами и угрозами». При этом подчёркивается, что «на смену блоковым подходам к решению международных проблем приходит сетевая дипломатия, опирающаяся на гибкие формы участия в многосторонних структурах в целях коллективного поиска решения общих задач». Поэтому среди главных факторов влияния государств на международную политику, (наряду с военной мощью) выступают экономические, научно-технические, экологические, демографические и информационные. Для обеспечения политического, экономического, информационного и культурного влияния России за рубежом возможно применение всех имеющихся в распоряжении государства финансово-экономических рычагов и адекватного ресурсного обеспечения, в том числе национальных неправительственных организаций. Впервые открыто декларируется готовность РФ действовать самостоятельно для защиты своих национальных интересов (в соответствии с Уставом ООН) в случае неготовности партнёров к совместным операциям. Утверждается необходимость активно использовать возможности региональных экономических и финансовых организаций для отстаивания интересов России в соответствующих регионах. Сохраняется преемственность в защите прав российских граждан и соотечественников, проживающих за рубежом, изучении и распространении русского языка, развитии средств информационного влияния на общественное мнение. В процессе торгово-экономического сотрудничества с участниками СНГ подчёркивается важность придерживаться рыночных принципов. Как и прежде акцентируется на развитии и приумножении общего культурно-цивилизационного наследия.

Западные эксперты, оценивая содержания новой редакции Концепции внешней политики, с опасением констатировали рост международного влияния и внешнеполитических амбиций РФ, в том числе и относительно региона СНГ. Ещё в конце 2007 г., анализируя международную обстановку, Д. Саймс признавал, что в интересах США является «распространение демократического правления» на постсоветском пространстве. Однако теперь было бы наивным «надеяться, что власть Путина поддержит усилия Соединённых Штатов по продвижению демократии» в регионе [39, р. 46]. А уже в 2009 г. другой американский специалист Р. Легвольд пишет об опасности нарушения баланса сил на постсоветском пространстве в результате последствий взаимодействия прозападных и

«спонсируемых Россией институтов». Звучат призывы к более взвешенным действиям со стороны США по реализации своих интересов (распространение американского влияния в СНГ в противовес России) с целью улучшения американо-российских отношений, что – на фоне усиления глобальных позиций РФ – будет способствовать стабилизации международной системы в целом [37, р. 93].

Мнения аналитиков из государств постсоветского пространства различались в оценке целей, подходов и действий РФ в регионе на современном этапе: стремление «сделать СНГ полностью закрытым для любого двухстороннего сотрудничества с Западом» [5, с. 5]; становление в лице России нового силового центра на постсоветском пространстве с помощью «ресурсно-сырьевого и силового факторов» [10, с. 133]; попытки восстановить контроль над внутренними процессами, активизировать внешнюю политику и укрепить оборонный потенциал страны при отсутствии «имперских» устремлений [29, с. 39]. Каждое из указанных суждений является дискуссионным. Вместе с тем, очевидно, что последствия событий российско-грузинского конфликта в августе 2008 г. поставили политическую элиту РФ перед необходимостью переосмысления внешнеполитических приоритетов и конкретно отношений с СНГ. «Российские заклинания о цивилизационном единстве и общности исторической судьбы, - акцентировал Д. Тренин, - соседи воспринимают с осторожностью. По принципиальному для Москвы вопросу признания независимости Южной Осетии и Абхазии Россию не поддержал ни один из её формальных союзников по Договору о коллективной безопасности или партнёр по интеграции в рамках ЕврАзЭС. Фундаментальная причина одна: каждый союзник увидел в этом вопросе тест на независимость, и никто не захотел выглядеть сателлитом Москвы». А поскольку Грузия, «вероятно, навсегда утратила Абхазию и Южную Осетию», то «в «поясе добрососедства», который когда-то собирались выстроить в СНГ творцы российской внешней политики, будет отсутствовать по крайней мере одно звено» [30, с. 23, 24].

Таким образом, при общей неоднозначности содержания трёх редакций Концепции внешней политики и проблем их практической реализации, относительно эволюции доктринальных основ российской интеграционной политики на постсоветском пространстве можно выделить ряд принципиальных положений.

В Концепции 1993 г. интеграционные устремления РФ в отношении СНГ выглядят непродуманными. Отсутствуют сформированные подходы к реализации явно завышенных задач. При выстраивании региональных приоритетов наблюдается смешение принципов районирования, свидетельствующее об отсутствии чётких критериев создания документа. Преувеличена роль СНГ, а прогнозы его развития и методы достижения этого показательно нереалистичны. Положения о стремлении государств Запада к сотрудничеству с РФ на постсоветском пространстве преподносятся в качестве аксиомы.

Содержание Концепции внешней политики 2000 г. отмечается большим прагматизмом, характеризуясь мышлением не политическими, а экономическими категориями. Цели и задачи интеграционной политики более проработаны и реалистичны. В основу региональной политики положен географический принцип. Чётче очерчены приоритеты и плоскости интеграционных устремлений. Усовершенствованы интеграционные подходы: разноскоростная и разноуровневая

интеграция в рамках СНГ; взаимодействия как в целом с государствами Содружества, так и в более узких объединениях (Таможенный Союз, Договор о коллективной безопасности). Декларируется необходимость интенсификации взаимодействия в рамках интеграционных структур по ряду направлений, в частности, Азиатско-Тихоокеанскому («шанхайская пятёрка»). Усовершенствован набор средств и методов реализации интеграционных устремлений. Негативно оценивается тенденция к созданию однополярной структуры мира при экономическом и силовом доминировании США, а также расширение НАТО.

Редакция Концепции от 2008 г., сохраняя преемственность интеграционных приоритетов, имеет ряд изменений. Утверждается готовность РФ к односторонним действиям для защиты своих национальных интересов. В контексте развития региональной и субрегиональной интеграции на пространстве СНГ подчёркивается важность активной работы в рамках ЕврАзЭС (с более проработанным планом взаимодействия), укрепления ОДКБ и ШОС. Возрастает значение южного направления (Черноморский и Каспийский регионы) в плоскости экономических интересов России. На фоне заявлений о нежелательности приёма в НАТО Грузии и Украины декларируется возможность применения необходимых ресурсов (в том числе финансово-экономических рычагов и неправительственных организаций) для обеспечения политического, экономического, информационного и культурного влияния РФ за рубежом.

**Выводы.** Проведенный анализ доктринальных основ свидетельствует о том, что комплексный российский проект по созданию на постсоветском пространстве своей зоны влияния в настоящее время отсутствует. При этом нарастание напряжённости в международных отношениях стимулирует процесс разработки подходов России по отстаиванию своих национальных интересов.

#### Список литературы

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы / Бжезинский З; Пер. с англ. – М.: Международные отношения, 2006. – 256 с.
2. Бураковский И. В. Интеграционные процессы на постсоветском пространстве в контексте расширения ЕС (экономический аспект) / И. В. Бураковский // Актуальні проблеми міжнародних відносин. – 2003. – Вип. 40 (Частина I). – С. 9-15.
3. Внешняя политика России безгранична как космос / Дискуссия в редакции журнала «Международная жизнь» // Международная жизнь. – 1994. – № 2. – С. 99-119.
4. До встречи в третьем тысячелетии / Дискуссия в редакции журнала «Международная жизнь» // Международная жизнь. – 2000. - № 12. – С. 2-25.
5. Камінський Є. Є. Україна-Росія-Європа у геополітичній перспективі: Критичний погляд з нагоди 60-річчя Ради Європи / Є. Є. Каміський // Актуальні проблеми міжнародних відносин. – 2009. – Вип. 85 (Частина I). – С. 3-7.
6. Караганов С. А. Новая эпоха / С. А. Караганов // Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые могут всё изменить / Отв. ред. и рук. авт. кол. С. А. Караганов. – М.: АСТ: Русь-Олимп, 2008. – С. 42-64.
7. Кашлев Ю. В. В политике, несмотря ни на что, доминирует позитивное влияние / Ю. В. Кашлев // Международная жизнь. – 1996. - № 4. – С. 61-63.
8. Киссинджер Г. Дипломатия / Киссинджер Г.; Пер. с англ. – М.: Ладомир, 1997. – 848 с.
9. Константинов В. Структурні чинники регіоналізації на пострадянському просторі: підходи України / В. Константинов // Вісник Київського національного університету ім. Т. Шевченко. – Серія «Міжнародні відносини». – 2006. – № 33-34. – С. 22-26.

10. Канцелярук Б. Тенденції зовнішньої політики Росії в умовах глобальної кризи / Б. Канцелярук // Дослідження світової політики: Зб. наук. праць / Відп. ред. Є. Є. Камінський. – К.: ІСЕМВ НАН України, 2008. – Вип. 44. – С. 128-134.
11. Концепция внешней политики РФ. 23 апреля 1993 г. // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991-2002: Хрестоматия в 4-х т. – Т. 4.: Документы / Сост. Т. А. Шаклеина. – М.: МГИМО; РАМИ; АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образования)», 2002. – С. 19-50.
12. Концепция внешней политики РФ. 28 июня 2000 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mid.ru/ns-osndoc.nsf/0e9272bafa34209743256c630042d1aa/d2658119bbb357ecc325748800375061?OpenDocument>
13. Концепция внешней политики РФ. 12 июля 2008 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mid.ru/ns-osndoc.nsf/0e9272bafa34209743256c630042d1aa/d48737161a0bc944c32574870048d8f7?OpenDocument>
14. КОРТУНОВ С. В. Россия ищет союзников / С. В. КОРТУНОВ // Международная жизнь. – 1996. - № 5. – С. 17-30.
15. Косикова Л. С. Интеграционные проекты России на постсоветском пространстве: идеи и практика: Научный доклад к заседанию Учёного Совета ИМЭПИ ИЭ РАН (сокращённый вариант) / Косикова Л. С. – М.: РАН, Институт экономики, Отделение международных экономических и политических исследований, 2008. – 39 с.
16. Крутских А. В. Прагматические истоки национальных интересов / А. В. Крутских // Международная жизнь. – 1997. - № 3. – С. 85-95.
17. Луков В. Б. Безопасность России: внешнеполитическое измерение / В. Б. Луков // Международная жизнь. – 1995. - № 8. – С. 5-9.
18. Луков В. Б. Мир должен стать равноправным / В. Б. Луков // Международная жизнь. – 1996. - № 4. – С. 71-72.
19. Медведев Р. Политические портреты / Медведев Р. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. – 508 с.
20. Морозов С. С. Дипломатия В. В. Путина / Морозов С. С. – СПб.: Издательский дом «Измайловский», 2004. – 256 с.
21. Орлова Т. В. Історія нових незалежних держав: Postsovieticum / Орлова Т. В. – К.: Знання, 2010. – 487 с.
22. Панкин А. Б. Кого представляет внешняя политика / А. Б. Панкин // Международная жизнь. – 1992. - № 3-4. – С. 26-34.
23. Плешаков К. В. Наши национальные интересы в переходный период / К. В. Плешаков // Международная жизнь. – 1991. - № 10. – С. 15-25.
24. Рахманинов Ю. Н. О причинах и возможных последствиях расширения НАТО / Ю. Н. Рахманинов // Международная жизнь. – 1996. - № 7. – С. 19-28.
25. Селезнёв Г. Н. Подавляющее большинство Парламента поддержит освобождающийся от флёра романтических отношений с Западом курс достоинства и национальных интересов России / Г. Н. Селезнёв // Международная жизнь. – 1997. - № 4. – С. 3-13.
26. Сиденко В. Р. Интеграционные процессы на постсоветском пространстве в контексте концепции «широкой Европы» / В. Р. Сиденко // Актуальні проблеми міжнародних відносин. – 2003. – Вип. 40 (Частина I). – С. 99-103.
27. Суздальцев А. И. Постсоветское пространство: единство и многообразие / А. И. Суздальцев // Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые могут всё изменить / Отв. ред. и рук. кол. С. А. Караганов. – М.: АСТ: Русь-Олимп, 2008. – С. 384-410.
28. Титов В. Г. Внешняя политика Союза: наступит ли завтра? / В. Г. Титов // Международная жизнь. – 1991. - № 11. – С. 32-38.
29. Толстов С. В. Двосторонні та багатосторонні союзи в практиці міждержавних відносин / С. В. Толстов // Дослідження світової політики: Зб. наук. праць / Відп. ред. Є. Є. Камінський. – К.: ІСЕМВ НАН України, 2008. – Вип. 44. – С. 32-66.
30. Тренин Д. Одиночное плавание / Тренин Д.; Моск. Центр Карнеги. – М.: Изд-во Р. Элинина, 2009. – 182 с.
31. Трофименко Г. Какая военная доктрина нам нужна? / Г. Трофименко // Международная жизнь. – 1991. - № 2. – С. 78-87.

32. Тупота О. М. Эволюция доктринальных основ внешней политики Российской Федерации (1993-2008 гг.) / О. М. Тупота // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – Серия «Политические науки». – 2008. – Т. 21 (60). – № 3. – С. 102-114.
33. Уткин А. И. Подъём и падение Запада / Уткин А. И. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. – 761 с.
34. Шевцова Л. Одинокая держава: Почему Россия не стала Западом и почему России трудно с Западом / Шевцова Л.; Моск. Центр Карнеги. – М.: РОССПЭН, 2010. – 272 с.
35. Larrabee F. S. Danger and Opportunity in Eastern Europe / F. S. Larrabee // Foreign Affairs. – November/December 2006. – Vol. 85. – № 6. – P. 117-131.
36. Legvold R. Russia's Unformed Foreign Policy / R. Legvold // Foreign Affairs. – September/October 2001. – Vol. 80. – № 5. – P. 62-75.
37. Legvold R. The Russia File. How to Move toward a Strategic Partnership / R. Legvold // Foreign Affairs. – July/August 2009. – Vol. 88. – № 4. – P. 78-93.
38. Odom W. E. Russia's Several Seats at the Table / W. E. Odom // International Affairs. – October 1998. – Vol. 74. – № 4. – P. 809-822.
39. Simes D. K. Losing Russia. The Costs of Renewed Confrontation / D. K. Simes // Foreign Affairs. – November/December 2007. – Vol. 86. – № 6. – P. 36-52.
40. Suny R. G. Provisional Stabilities: The Politics of Identities in Post-Soviet Eurasia / R. G. Suny // International Security. – Winter 1999/2000. – Vol. 24. – № 3. – P. 139-178.
41. Treisman D. Russia Renewed? / D. Treisman // Foreign Affairs. – November/December 2002. – Vol. 81. – № 6. – P. 58-72.

**Пашковський П.І. Еволюція доктринальних засад інтеграційної політики Росії на пострадянському просторі** // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філософія. Культурологія. Політологія. Соціологія. – 2011. – Т. 24 (63). – № 1. – С. 194-206.

У статті подається аналіз еволюції доктринальних засад інтеграційної політики Росії на пострадянському просторі.

**Ключові слова:** доктринальні засади, інтеграційна політика Росії, пострадянській простір.

**Pashkovskiy P.I. Evolution of the doctrinal bases of Russia's integration policy in the post-Soviet space** // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2011. – Vol. 24 (63). – № 1. – P. 194-206.

The article presents an analysis of the evolution of the doctrinal bases of Russia's integration policy in the post-Soviet space.

**Keywords:** doctrinal bases, Russia's integration policy, post-Soviet space.

Статья поступила в редакцию 10.11.2010